

«НОВАЯ НАУКА» ОБ ОБЩЕСТВЕ КАК ВЫРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ Т. ГОББСА

«Рассуждение есть шаг, рост знания —
путь, а благоденствие человеческого
рода — цель»¹.

Девиз Фрэнсиса Бэкона «Знание — сила», ставший своеобразным лозунгом философской мысли XVII в., находит свое дальнейшее выражение в целостной системе учения Томаса Гоббса: «Цель, или назначение, философии заключается <...> в том, что благодаря ей мы можем использовать к нашей выгоде предвидимые нами действия и на основании наших знаний по мере сил и способностей планомерно вызывать эти действия для умножения жизненных благ <...>. И всякое умозрение в конечном счете имеет целью какое-нибудь действие или практический успех»². Именно благодаря всевозможным техническим усовершенствованиям и изобретениям расширился горизонт в сфере применения человеческого знания и обретения абсолютного господства и подчинения природы. «Своими величайшими успехами человеческий род обязан технике, т. е. искусству измерять тела и их движения, приводить в движение тяжести, воздвигать строения, плавать по морям, производить орудия для всякого употребления, вычислять движения небесных тел, пути звезд, календарь и чертить карту земного шара»³. Здесь явно прослеживаются бэконовские мотивы «механических искусств» и сохраняется сам дух утилитарно-практической направленности мышления, даже стиль повествования близок по своему содержанию и форме к описанию научных вождедений ученых-экспериментаторов «Дома Соломона» государства Бенсалем.

В XVII в. наиболее отчетливо выражаются глубинные процессы разрушения феодальной общественной структуры, человек словно высвобождается из теоцентрических форм существования, «определявших его образ... Происходит отделение производителя от средств производства, идет процесс первоначального накопления капитала, расширяются рыночные отношения. На первое место все больше выступает частный капитал, т. е. индивид ведет себя как отдельный атом, и из хаотического движения атомов складывается равнодействующая тенденция развития общества»⁴. Средневековому мировоззрению, с

¹ Гоббс Т. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 36.

² Там же. Т. 1. М., 1989. С. 77.

³ Там же.

⁴ Гайденок П. П. Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.). Формирование научных программ нового времени. М., 1987. С. 17.

его принципом бытия вещей ради высших целей, иерархической неподвижности «великой цепи бытия», наука Нового времени противопоставляет механицизм как основной принцип существования телесного мира. И хотя лишь в «Математических началах натуральной философии» И. Ньютона (1687 г.) были окончательно сформулированы законы механики как точной науки о движении тел, у Т. Гоббса, как и у Ф. Бэкона, понимание предмета философии полностью противопоставляется теоцентрическому видению мира — философия должна исследовать все, что представляется доступным для наблюдения и является полезным в практической деятельности людей: «Предметом философии, или материей, о которой она трактует, является всякое тело, возникновение которого мы можем постичь посредством размышлений и которое мы можем в каком-либо отношении сравнивать с другими телами, иначе говоря, всякое тело, в котором происходит соединение и разделение, т. е. всякое тело, происхождение и свойства которого могут быть познаны нами»⁵.

Т. Гоббс исключает из философии все то, в чем нет ни возникновения, ни свойств, т. е. теологию и любое иное знание, имеющее своим источником откровение, «там, где нет ни возникновения, ни свойств, философии делать нечего. Поэтому философия исключает теологию, т. е. учение о природе и атрибутах вечного, несотворенного и непостижимого Бога, в котором нельзя себе представить никакого соединения и разделения, никакого возникновения»⁶. Здесь Т. Гоббс в отличие от Ф. Бэкона абсолютно отрицает за теологией право на существование. У Гоббса реальностью является материальное тело («всякое тело»), т. е. все то, что имеет измерение величины (длина, ширина, глубина), все то, что можно сформулировать в научных понятиях и независимо от мышления. Мыслитель отвергает качественное многообразие Вселенной — под телом понимается как часть, так и вся Вселенная, тело у Гоббса не имеет никаких иных определений, кроме местоположения, величины и фигуры, т. е. оно полностью подчинено строгим математическим измерениям. Само же разложение природного мира происходит в чисто количественном отношении.

Подобное понимание природно-сущего бытия у Т. Гоббса близко философско-математическому аналицизму Г. Галилея и Р. Декарта, утверждавших, что истинное понимание природы возможно лишь путем выявления ее простейших элементов математического порядка: линий, фигур, плоскостей и движений как перемещений в пространстве⁷.

⁵ Гоббс Т. Соч. Т. 1. С. 79.

⁶ Там же.

⁷ См.: Галилео Г. Пробирных дел мастер. М., 1987.

Т. Гоббс пытается объяснить все явления в мире исключительно движением, ибо движение в природе или в человеческом организме суть перемещение в пространстве, взаимодействие определенных сил: «Движение есть непрерывная перемена мест, т. е. оставление одного места и достижение другого»⁸. Общее понятие движения выступает основой и причиной всех вещей и является самым универсальным понятием, а для того, чтобы познать вещь, необходимо постигнуть ее движение. «Гоббс полагает, что основное бытие, из которого состоит вселенная, есть материя, и всякое изменение в мире обусловлено движением частей вещества; причина же движения тела заключается в давлении или толчке другого, уже движущегося тела». Никаких сил, действующих на расстоянии, он не допускает: давление и толчок соприкоснувшихся тел он считает единственной причиной изменения скорости и направления движения тел⁹. Гоббс на основании движения намечает разделение сферы природы и общества, где каждой сфере соответствует определенная отдельная наука. Движение тела как такового изучает геометрия; движение, получаемое от внешнего действия одного тела на другое, познает механика; движение же внутренних частиц тела исследует физика. Помимо движения внутри тел существует еще движение самих наших органов чувств, которое появляется в результате движения внутренних частиц внешнего тела; это движение, которое дают нам ощущение, страсть, желание, составляет предмет науки о человеке. У Т. Гоббса все в природе совершается механически, и все явления вещей происходят из материи, возбужденной разнообразными по виду и размерам движениями, «поэтому определение тела гласит: телом является все то, что не зависит от нашего мышления и совпадает с какой-нибудь частью пространства, т. е. имеет с ней равную протяженность»¹⁰.

Т. Гоббс распространяет механистические принципы и на понимание самого человека, в этом обнаруживается сходство с пониманием Р. Декарта, особенно с его знаменитым тезисом, согласно которому животные представляют собой лишь сложную машину-автомат: «Ибо, наблюдая, что жизнь есть лишь движение членов, начало которого находится в какой-нибудь основной внутренней части, разве не можем мы сказать, что все автоматы (механизмы, движущиеся при помощи пружин и колес, как, например, часы) имеют искусственную жизнь? В самом деле, что такое сердце, как не пружина? Что такое нервы, как не такие же нити, а суставы — как не такие же колеса, сообщающие движение всему телу так, как этого хотел мастер?»¹¹. У Т. Гоббса су-

⁸ Гоббс Т. Соч. Т. 1. С. 151.

⁹ Лосский Я. О. Избранное. М., 1991. С. 496.

¹⁰ Гоббс Т. Соч. Т. 1. С. 146.

¹¹ Там же. Т. 2. С. 6.

ществуют два совершенно различных между собой вида тел, которые в своем возникновении отличаются друг от друга. Один вид включает тела, представляющие собой естественные продукты природы, другой же — тела, возникшие искусственным путем благодаря человеческой воле и разуму. В соответствии с этим существуют и два рода знания, первый связан со всеми эмпирическими науками и является собой низший род. Физика, например, как наука о явлениях природы не есть наука в истинном смысле, она лишь опытное знание, и как таковая ограничена. Второй род знания повествует о вещах и явлениях, процесс создания которых как бы повторяется в нашем исследовании, эксперименте. Таковым родом знания представляются геометрия и все другие науки, основанные на ее принципах: например, политика, этика и другие. Поскольку геометрия имеет дело с вещами и явлениями, которые мы сами в состоянии производить, наши знания о них предельно очевидны и вполне достоверны. Предметы политики и этики рассматриваются Т. Гоббсом в качестве результатов разумной деятельности человека, соответственно в этой сфере осуществляется подлинно рациональное познание. Согласно своему пониманию рационального познания Т. Гоббс разрабатывает проблему метода, особенно выделяя роль анализа и синтеза, индукции и дедукции.

Метод философии у него есть «кратчайший путь к тому, чтобы на основании знания причин прийти к познанию их действий и на основании знания действий прийти к познанию их причин»¹². Чтобы получить отправные точки для конструкции системы точных наук, необходимо разложить имена вещей на простейшие и общие определения, где первое и самое общее определение — это движение. Отправившись от него через геометрию, механику и физику, доходим до познания страстей и желаний человека, т. е. познаем его «природу». А уже от человека можно переходить к обществу и государству. Для Т. Гоббса главные объекты его забот — это «точная наука» об обществе и государстве, «точные» основания политики и этики, где он всецело применяет к ним «геометрический метод». Безусловно, перенесение подобного метода в философию не было неожиданностью. Если вспомнить Г. Галилея, блестяще использовавшего этот метод в механике и физике, может показаться вполне очевидным, что в геометрии найден тот всеобщий метод, при помощи которого можно преобразовать все науки. Положенный в основу философской системы Т. Гоббса принцип всеобщего механического движения не есть новое слово в философии XVII в. Тем не менее именно Т. Гоббс углубил подобное миропонимание и превратил механистический принцип в универсальную систему, рассматривая движение как основу понимания и объяснения не только

¹²Там же. Т. 1. С. 119.

явлений природного мира, но и человеческих восприятий, общественной жизни и социальной философии. «Гоббс отрицал существование каких-либо случайных явлений и в природе, и в человеческой деятельности. Причиной человеческих действий является наша воля или наши желания и хотения, но и эти последние должны иметь причину, которой не может быть сама воля. Акты волевой деятельности опираются на ряд причин, восходящих до первой причины — движения, отсюда следует, что все наши произвольные действия определяются предшествующими причинами и, следовательно, абсолютно необходимы»¹³.

Отношение «человек — природа» в гоббсовской интерпретации также основано на последовательно проводимых им механистических представлениях. Хотя мир есть как бы абстрактная геометрическая конструкция, представляющая собой механическую совокупность единичных материальных тел, но все же «нет еще абсолютного противопоставления человека и природы: между ними фиксируется определенная степень родства»¹⁴, ибо человек находится на границе естественных тел как часть природы и искусственных — как часть государства. Таким образом Т. Гоббс переходит к самому понятию «человеческая природа»: «Философия распадается на две основные части. Всякий, кто приступает к изучению возникновения и свойств тел, сталкивается с двумя совершенно различными родами последних. Один из них охватывает предметы и явления, которые называются естественными, поскольку они являются продуктами природы; другой — предметы и явления, которые возникли благодаря человеческой воле, в силу договора и соглашения людей, и называется государством (*civitas*)»¹⁵.

Общий возросший в этот период интерес к природе нашел выражение и в особом интересе к «человеческой природе. Поскольку природу пытались увидеть такой, какой она существует в действительности, в той же мере стремились познать человека, каков он есть от природы»¹⁶. Человек рассматривался существом природы, т. е. «естественным существом», включенным в общую систему природы¹⁷. Как таковой он объявлялся равным от природы всем другим людям, а неравенство объявлялось противным самой природе: «Если природа поэтому сделала людей равными, то это равенство должно быть признано; если же природа сделала людей неравными, то равенство все же должно

¹³ Вейцман Е. М. Великий английский материалист Томас Гоббс. М., 1960. С. 22.

¹⁴ Лось В. А. Человек и природа. (Социально-философские аспекты экологических проблем). М., 1978. С. 27.

¹⁵ Гоббс Т. Соч. Т. 1. С. 80.

¹⁶ Stone L. The Family, Sex and Marriage in England 1500–1800. Middlesex (England), 1982. Ch. 6.

¹⁷ Tawney R. N. Religion and the rise of capitalism. Middlesex (England), 1996. P. 31.

быть допущено, так как люди считают себя равными и вступят в мирный договор не иначе, как на равных условиях»¹⁸.

Человек, по мнению Т. Гоббса, представляет собой среднее звено между природой и обществом, ибо является телом природы, но он же и разумный творец искусственного тела — государства в образе Левиафана. «Человеческое искусство (искусство, при помощи которого Бог создал мир и управляет им) является подражанием природе во многих других отношениях, так и в том, что оно умеет делать искусственное животное <...>, искусство идет еще дальше, имитируя разумное и наиболее превосходное произведение природы — человека. Ибо искусством создан тот великий Левиафан, который называется Республикой, или Государством <...> и который является лишь искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан»¹⁹. Невозможно понять ни образование государства, ни элементы структуры государственной жизни без знания человека и его природы. Поэтому учение о человеке — это введение к теории государства. Человек у Т. Гоббса включается в цепь функционирования естественного мира. В отличие от Аристотеля, представившего человека как «политическое животное», Гоббс считает, что человек вследствие своих страстей эгоистичен по самой своей природе, что в нем заложено прирожденное стремление господствовать над всеми и подчинять все своим собственным интересам. Сама человеческая деятельность определяется такими понятиями, как честолюбие, страх, жадность, а основным во взаимоотношениях людей выступает принцип «человек человеку — волк».

Гоббс открывает наиболее простые элементы, к которым могут быть сведены «правила и законы политики». Человек вне государства находится в «естественном состоянии», в такой ситуации господствует естественное право, продиктованное не людьми, но самой «природой» человека. По Т. Гоббсу, состояние людей вне государственного образования есть «война всех против всех», поскольку в таком состоянии страсти человеческие ничем не могут быть ограничены. Стремление человека к удовлетворению собственных потребностей и максимальному наслаждению не знает никаких границ и преград, «если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами».

На пути к достижению цели (которая состоит главным образом в сохранении жизни, а иногда в одном лишь наслаждении) люди стара-

¹⁸ Гоббс Т. Соч. Т. 2. С. 119.

¹⁹ Там же. С. 6.

ются погубить или покорить друг друга»²⁰. И в удовлетворении собственных страстей не останавливаются ни перед какими зверствами и злодеяниями. По своей хищности и жестокости человек даже превосходит хищность и жестокость зверей и животных, поскольку последние после насыщения успокаиваются, человек же голоден даже будущим голодом. Кроме того, человека толкают на насилие такие побудительные причины, которые совсем не свойственны животному миру: соперничество, недоверие, любовь к славе, честолюбие и т. п.

Т. Гоббс следующим образом определяет главные причины войны: «<...> мы находим в природе человека три основные причины войны: во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажда славы. Первая причина заставляла людей нападать друг на друга в целях наживы, вторая — в целях собственной безопасности, а третья — из соображений чести. Люди, движимые первой причиной, употребляют насилие, чтобы сделаться хозяевами других людей, их жен, детей и скота; люди, движимые второй причиной, употребляют насилие в целях самозащиты; третья же категория людей прибегает к насилию из-за пустяков вроде слова, улыбки, из-за несогласия во мнении и других проявлений неуважения, непосредственно ли по адресу или по адресу их родни, друзей, их народа, сословия или имени»²¹. Все это говорит о том, что сообщество людей в отличие от животного мира имеет более «дикую» и «звериную» природу.

Люди, созданные равными в отношении физических и умственных способностей, имеют право на все. Но иметь право на все в естественном состоянии, по мнению Т. Гоббса, означает не иметь никакого права, ибо то, что ты по праву считаешь своим, другой считает тоже принадлежащим ему. Поэтому основной характерной чертой естественного состояния является отсутствие собственности, отсутствие «точного разграничения между твоим и моим», и состояние «войны всех против всех» есть нормальное проявление человеческой сущности²². Тем не менее люди неизбежно должны стремиться выйти из естественного состояния «войны всех против всех», «когда каждый является врагом каждого», когда царят «вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна»²³. Здесь наиболее очевидно, как Гоббс уподобляет естественное состояние человека именно животному и переносит характеристики животного мира на естественное состояние человека. Стремление выйти из состояния «войны всех против всех» — такой же

²⁰ Там же. Т. 2. С. 94.

²¹ Там же. Т. 2. С. 95.

²² Psychology and Philosophy. The World of Thought / Ed. by T. K. Barret. Watford, 1962. P. 295–296.

²³ Гоббс Т. Соч. Т. 2. С. 96.

закон природы, как и другие законы человеческой психики и поведения. Таким образом, человек «имеет возможность выйти из этого положения — возможность, состоящую отчасти в страстях, а отчасти в его разуме»²⁴. Страсть, делающая людей склонными к миру, есть страх смерти, инстинкт самосохранения. Этот инстинкт выступает в конце концов главным и решающим из всех человеческих страстей. Но вместе с этим заявляет о себе и «разум», который подсказывает подходящие условия мира, на основе которых люди могут прийти к соглашению²⁵. Необходимость договоров и необходимость их выполнения определяются как главный элемент нравственных добродетелей и гражданского долга. У Т. Гоббса договор между двумя индивидами — это прототип всех форм социальной жизни, а исполнение договора — фундамент всех гражданских обязанностей, справедливости и общенравственной морали. «Общественный договор», как соглашение индивидов об устойчивом и надежном государственном порядке, направлен против губительного состояния и ужасов «анархии». «Страсти <...> суть страх смерти, желание вещей, необходимых для хорошей жизни, и надежда приобрести их своим трудолюбием. А разум подсказывает подходящие условия мира, на основе которых люди могут прийти к соглашению. Эти условия суть то, что иначе называется естественными законами <...>»²⁶.

Вполне понятное нежелание людей пребывать в условиях междоусобиц и гражданской войны, по представлению Т. Гоббса, явилось тем началом политической разумности, которое затем обнаруживает себя как стремление подчиниться «естественному закону»: «Естественный закон, *lex naturalis*, есть предписание, или найденное разумом (*reason*) общее правило, согласно которому человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни, или то, что лишает его средств к ее сохранению, и пренебрегать тем, что он считает наилучшим средством для сохранения жизни»²⁷.

Поскольку всеобщей исходной ситуацией, в которой оказывается индивид Гоббса, является «война всех против всех», постольку «естественный закон» выступает для него как предписание мира и благоразумного следования правилам «справедливости, беспристрастия, скромности, милосердия». «Следовательно, предписание, или общее правило разума гласит, что всякий человек должен добиваться мира, если у него есть надежда достигнуть его; если же он не может его достигнуть, то он может использовать любые средства, дающие пре-

²⁴ Там же. Т. 2. С. 98.

²⁵ См.: *Киссель М. А.* Судьба старой дилеммы (рационализм и эмпиризм в буржуазной философии XX века). М., 1974. С. 94–115.

²⁶ *Гоббс Т.* Соч. Т. 2. С. 98.

²⁷ Там же.

имущество на войне <...>. Именно таков закон Евангелия: поступай по отношению к другим так, как ты желал бы, чтобы другие поступали по отношению к тебе»²⁸.

Что же может обуздать естественные страсти людей, принудить их к выполнению соглашений и соблюдению естественных законов? «Конечной причиной, целью или намерением людей (которые от природы любят свободу и господство над другими) при наложении на себя уз (которыми они связаны, как мы видим, живя в государстве) является забота о самосохранении и при этом о более благоприятной жизни. Иными словами, при установлении государства люди руководствуются стремлением избавиться от бедственного состояния войны, являющегося <...> необходимым следствием естественных страстей людей <...>»²⁹. Еще Платон утверждал, что любая война есть зло: «Все войны возгораются ради приобретения имущества» (Федон, 66с).

Сами по себе естественные законы противоречат человеческим естественным страстям, если не существует никакого страха (государство), как «соглашение без меча лишь слова, которые не в силах гарантировать человеку безопасность»³⁰. Поэтому, «несмотря на наличие естественных законов (которым каждый человек следует, когда он желает им следовать, когда он может делать это без всякой опасности для себя), каждый будет и может вполне законно применять свою физическую силу и ловкость, чтобы обезопасить себя от всех других людей, если нет установленной власти или власти, достаточно сильной, чтобы обеспечить нам безопасность»³¹. Но здесь же Т. Гоббс делает оговорку: если бы существовала возможность того, что большая масса людей была согласна соблюдать справедливость и другие естественные законы при отсутствии общей власти, держащей их в страхе, то мы с таким же основанием могли предположить то же самое и относительно всего человеческого рода, и тогда не существовало бы ни гражданского правления, ни государства, да и не было бы в них никакой необходимости, ибо тогда существовал бы «мир без подчинения»³².

Т. Гоббс прекрасно понимает, что в силу существующих обстоятельств, при наличии реальных отношений между людьми, альтернативное теоретическое решение, в принципе, не может реализоваться. В этом отношении Гоббс сравнивает социальное регулирование с природным миром (пчелы, муравьи) и показывает различие между людьми и «некоторыми живыми существами». На вопрос, «почему

²⁸ Там же. С. 99.

²⁹ Там же. С. 129.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 129–130.

³² Там же. С. 130–131.

род человеческий не может жить точно так же <...>, как, например, пчелы и муравьи»³³, Гоббс отвечает следующем образом: «Во-первых, люди непрерывно соперничают между собой, добиваясь почета и чинов <...>, на этом основании среди людей возникают зависть и ненависть, а в итоге и война <...>. Во-вторых, <...> человеку же, самоуслаждение которого состоит в сравнении себя с другими людьми, может приходиться по вкусу лишь то, что возвышает его над остальными. В-третьих, <...> среди людей имеются многие, которые считают себя более мудрыми и более способными управлять государственными делами, чем другие, и поэтому они стремятся реформировать и обновлять государственный строй: одни — одним путем, другие — другим; и этим вносят в государство расстройство и гражданскую войну. В-четвертых, <...> при помощи [искусства слова] некоторые люди умеют представить другим добро злом, а зло добром и преувеличить или преуменьшить по своей воле видимые размеры добра и зла, внося беспокойство в душу людей и смущая их мир. В-пятых, <...> человек становится наиболее беспокойным именно тогда, когда ему лучше всего живется, так как тогда он любит показывать свою мудрость и контролировать действия тех, кто управляет государством. Наконец, согласие живых существ (животных) обусловлено природой, согласие же людей — соглашением, являющимся чем-то искусственным. Вот почему нет ничего удивительного в том, что, для того чтобы сделать это согласие постоянным и длительным, требуется еще кое-что (кроме соглашения), а именно общая власть, держащая людей в страхе и направляющая их действия к общему благу»³⁴.

Итак, под давлением опасных жизненных обстоятельств, в условиях «войны всех против всех», заключается мирная конвенция в целях сохранения общего мира и безопасности³⁵. «Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется государством, по-латыни — *civitas*. Таково рождение того Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного Бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой»³⁶.

Направленность социально-политического мышления Т. Гоббса явно тяготеет к монархическому правлению, т. е. такому правлению, «где носителем верховной власти является один человек»³⁷. Глубинные процессы формирования буржуазной цивилизации принимали наиболее жесткие, а порою и варварские формы именно в Англии, безуслов-

³³ Там же. С. 131.

³⁴ Там же. С. 131–132.

³⁵ *Kenyon J. P.* Stuart England. Meddlesex (England), 1980. P. 187–818.

³⁶ *Гоббс Т.* Соч. Т. 2. С. 133.

³⁷ Там же. С. 149.

но давшей множество примеров в подтверждение тезиса Т. Гоббса «человек человеку — волк». «Гоббсовская теория в крайней, предельной форме выразила общую тенденцию социального мышления XVII в. — стремление на нерелигиозной (светско-рационалистической) основе построить апологию сильного, централизованного государства, обеспечивающего «гражданский мир». Таково было вполне правомерное политическое ожидание целой эпохи, духовная жизнь которой во многом определялась усталостью от религиозных расколов, стихийных социальных движений, разбухших Реформацией, от правителей-самозванцев и нескончаемой феодальной борьбы за власть»³⁸.

В представлении Т. Гоббса социальная организация людей существенным образом отличается от жизни животного мира, это не естественный продукт, а, скорее, некое искусственное построение, или же артефакт, т. е. социальные отношения не являются врожденными, а суть порождения самого человека. Пожалуй, никто из его предшественников не выдвигает так радикально антитезу «природа» — «договор» и не очерчивает так резко разграничительную линию между этими понятиями (природный мир — искусственное построение). Особое отношение между «природой» и «договором» есть ключ к пониманию структуры всех артефактов. Государство всегда находится в опасности разложения, будучи искусственным построением, человек борется против природы (включая свою собственную) с помощью конструкций и механизмов, взятых у той же природы.

В философии Т. Гоббса явно выражена интенция объединения естественных наук и социальной теории, при этом он использует в политической теории и социальной философии механические термины и язык геометрии. Подобное использование и включение математических понятий и терминов, пожалуй, было наиболее адекватным выражением философской мысли в новых условиях. Общество, его организация и институты теперь представляли не как продукт природы, а как искусственные тела, т. е. продукты практической деятельности человека.

³⁸ Соловьев Э. Ю. Теория «Общественного договора» и кантовское моральное обоснование права // Философия Канта и современность. М., 1974. С. 191.